

УДК 218.9 (476.5)

М. В. Пищуленок

Православная церковь на Витебщине в 1920-х – начале 1930-х годов /по материалам государственного архива Витебской области/

Архивные документы — незаменимые свидетельства истории, серьезный, хотя и не единственный, источник информации. Они помогают по-новому взглянуть на исторические процессы и явления, проливают свет на многие пока слабо изученные страницы социальной практики.

Двадцатые годы — сложнейший период в истории советской власти как с точки зрения государственной, организационно-хозяйственной, так духовной и культурно-просветительской жизни. Исторические факты свидетельствуют, насколько остро и противоречиво складывались отношения между государством и церковью. Основная линия этих противоречий, как известно, пролегла по кардинальным позициям: отношение к Великой Октябрьской революции и реформирование общества. Принятые в январе 1918 года Декреты СНК РСФСР о свободе совести, церковных и религиозных обществах и об отделении церкви от государства и школы от церкви утвердили официальную политику по отношению к религиозным конфессиям.

Борьба с религией на Витебщине имела разные этапы своего развития, но наиболее волнующий характер она носила в первые десятилетия советской власти, когда была объявлена “опиумом для народа” и уничтожалась жестокими мерами как опасная и вредная. Поэтому неслучайно первые мероприятия советской власти по отношению к церкви были связаны с изъятием церковных ценностей на нужды государства. Губернская комиссия провела эту акцию с марта по май 1922 года решительно и без каких-либо колебаний и промедлений [1, с.502]. Виновные в укрывательстве предметов культа, противодействии и агитации верующих передавались суду и беспощадно карались. Уже 26 апреля состоялось заседание Ревтрибунала, который вынес суровый приговор обвиняемым, а его решения получили широкую огласку в Витебске. Отношение крестьянства, городских слоев населения, к проводимым акциям, как подчеркивается в докладе губернской комиссии, было резко отрицательным и враждебным, а их недовольство скрытым, поскольку многие были запуганы и боялись репрессий и преследования. В результате изъятия церковных ценностей в Витебской губернии было собрано и отправлено в Москву в госхран более 100 пудов серебра, небольшое количество драгоценностей и золота [2, с.503].

Положение церкви усугублялось расколом, произошедшим в ее рядах. Архивные документы подтверждают, что церковная жизнь в 20-ые годы осложнялась противостоянием двух течений, возникших среди православного духовенства, — тихоновского и обновленческого. Оппозиционное

движение обновленцев активизировалось в русской православной церкви после Октябрьской революции. Его цель — обновление церкви, модернизация религиозного культа. Оппозиционеры боролись против руководства русской православной церкви, заявляли о поддержке социалистических преобразований. И, напротив, движение тихоновщины, которое получило свое название по имени патриарха Московского и всея Руси Тихона, стоявшего на позициях сохранения православных канонов, противостояло социалистическим преобразованиям.

Не прошли эти процессы мимо Беларуси, в том числе и Витебщины, что, безусловно, внесло некоторые особенности в духовно-религиозное сознание общества. Это нашло свое отражение не только в формировании, но и в размежевании сторонников одного и другого направлений.

В середине 20-х годов из 132-х церквей, действовавших на территории округа, 76 являлось обновленческими, к тихоновскому течению причисляла себя 41 и не примыкали ни к одному из течений 15 церквей. В окружном центре функционировало 11 церквей протихоновского направления [3, с.892-896]. Их авторитету способствовал подбор грамотных, квалифицированных священнослужителей и активная поддержка верующих, среди которых было немало образованных людей, сохранявших влияние в различных слоях городского населения.

Тихоновцы, пользуясь связями и личными контактами, вели работу по привлечению противников на свою сторону. Кроме рассылки писем, в которых распространялись слухи о массовом уходе из обновления, тихоновцы прибегали и к изобличению своих противников с кафедры, называя последних "безблагодатными" и "неканоническими". Их деятельность имела серьезные последствия. Так, за несколько месяцев только в Бешенковичском районе к тихоновцам отошло 7 церквей, 5 из которых, правда, через непродолжительное время вернулась на позиции обновленцев.

Чтобы сохранить единство, тихоновцы не раз высказывались за преодоление раскола, но только при условии "если обновленцы покаются в своей вине перед церковью и войдут в каноническое единство со староцерковниками, признавая власть патриарха" [4, с.893].

Обновленцы, как отмечается в документах, во главе с епископом Гавриилом были безынициативны, корыстливы, стремились лишь получить плату за использование религиозных обрядов и отчисления из средств епархиального управления.

К конструктивному согласию и сотрудничеству с тихоновцами призывали и некоторые обновленцы. Так, в середине 1926 года епископ Гавриил предпринял попытку примирения с тихоновцами. Он собрал наиболее авторитетных и влиятельных благочинных для переговоров. Прибывшие поддержали идею перемирия, но высказались за необходимость получения на это согласия верующих и епископа — тихоновца Иннокентия.

Несмотря на попытки примирения со стороны священнослужителей разных направлений, тем не менее позиции обновленцев укрепились, чему способствовало назначение Белорусским синодом в октябре 1926 года епископа Александра Щербакова вместо ушедшего на покой Гавриила Свидерского. Новый епископ в Витебске был тепло встречен духовенством и верующими обновленческого течения.

Этому способствовал целый ряд и других обстоятельств. Не последнюю роль сыграла активная работа окружных органов госбезопасности. Они проводили организационные мероприятия по созыву Витебского Епархиального съезда и Поместного собора. В результате оказанного давления многие священнослужители приняли участие в обновленческом

съезде Витебской епархии. В ходе мероприятий ставки делались на компрометацию как тихоновского епископата, так и его сторонников [5, с.896].

Сложные отношения складывались между церковью и органами государственной власти на местах и в дальнейшем. Свидетельством тому может служить докладная записка о положении православной церкви в Витебском округе по состоянию на середину 1930 года [6, с.126-137]. Из документа видно, что в это время были предприняты самые решительные меры по ограничению деятельности церкви. Это нашло свое отражение в том, что, во-первых, заметно усилилась работа созданного общества воинствующих безбожников. Их разнообразная деятельность позволила увеличить в три раза число первичных организаций и ее членов только в течение 1929 года. Во-вторых, для активизации атеистической работы было организовано социалистическое соревнование в Минском и Полоцком округах, которое предусматривало кратное увеличение количества организаций, повсеместное создание ячеек, вовлечение в них 75% рабочих, 25% батраков и 40% женщин, организацию групп безбожников в начальных школах, выявление религиозных учащихся в ходе анкетирования. Планировалось также образование трех безбожных колхозов, приобретение тракторов "Безбожник" и другие мероприятия.

Органы госбезопасности применяли и специальные мероприятия: дискредитацию священнослужителей, инициирование отказа отдельных из них вести религиозную деятельность, перевод наиболее авторитетных священников во второстепенные приходы, аресты некоторых и другие методы. Всего же в это время было репрессировано более тридцати духовных лиц.

В ограничение деятельности церкви вовлекались финансовые органы, которые облагали культовые учреждения и священнослужителей непосильными налогами. В итоге в феврале 1930 года из 155 церквей, имевшихся на территории округа после революции, функционировало лишь 14. Из них 4 находились в сельской местности, а остальные в Витебске, 7 сельских районов вообще остались без действующих церквей.

Антирелигиозные перегибы были настолько очевидны, что впоследствии органы власти разрешили открыть 14 приходов. Динамику изменения численности церквей по Витебскому округу [7, с.128] отражает следующая таблица:

Наименование района	Функционировало церквей				
	После революции	15 марта 1929 г.	1 октября 1929 г.	24 февраля 1930 г.	15 июня 1930 г.
г. Витебск	31	20	16	12/10	12/10
Витебский	17	16	15	1	2
Высочанский	9	8	6	—	2
Лиозненский	8	7	6	—	1
Суражский	14	12	10	—	2
Межанский	7	7	5	2	2
Городокский	17	16	13	1	2
Сиротинский	12	12	10	—	2
Бешенковичский	13	12	10	—	2
Сенненский	18	17	14	—	1
Чашницкий	9	9	7	—	1
ИТОГО:	155	136	112	16/14	30/28

Из приведенных сведений видно, что власти пошли на уступки лишь в тех районах, где не было ни одной действующей церкви, причем число вновь открытых церквей не превышало двух.

Несколько ослабив давление на церковь, органы власти посчитали, что не было необходимости в открытии других приходов и поэтому старались парализовать движения верующих в этом направлении.

Антицерковная политика органов госбезопасности зачастую несогласовывалась с действиями местной власти и партийных комитетов. Имели место случаи их противостояния по вопросам открытия или закрытия церквей в Городокском районе. А, например, в Лиозненском районе, когда органы исполнительной власти приняли решение о закрытии всех действующих церквей, органы госбезопасности отстаивали сохранение одной церкви.

Вряд ли такое разногласие в их действиях можно объяснить сознательным противостоянием. Можно полагать, что содержание и задачи подобных мероприятий зачастую четко не оговаривались, а действия участников этой компании не координировались. Архивные источники содержат факты "разложения религиозных общин" и подтверждают, что "корни атеизма среди верующих посеяны повсеместно". С этой целью репрессивные органы успешно инициировали отказы отдельных священников от духовного сана и проповедческой деятельности. К примеру священник Ласковичской церкви с двумя членами церковноприходского совета подали заявление о прекращении религиозной службы, как разубедившиеся в вере.

Документы также содержат сведения о репрессиях во время проведения антирелигиозных мероприятий. В ходе их многие церкви буквально подвергались тотальному разгрому, уничтожались дорогостоящие иконостасы, иконы, книги, осквернялись алтари, предметы религиозных обрядов использовались в домашнем обиходе. Нередко это делалось намеренно с целью оскорбления чувств верующих.

Правда, не везде верующие и священники созерцали происходящее пассивно. Часть из них, хотя и редко, активно отстаивали свои права. Массовый характер приняло движение верующих в Сиротинском районе. Первоначально это движение развернулось в Добейском, Лексовичском, Шумилинском приходах, а впоследствии к нему присоединились еще три прихода. Поводом для протеста послужило постановление собрания колхозников, согласно которому без ведома райисполкома было закрыто 12 церквей, что вызвало недовольство части прихожан. Решительно настроенные верующие готовы были совершать пасхальные обряды, даже если для этого пришлось бы ехать в Витебск или Полоцк. Чтобы предотвратить подобные недовольства верующих, власти сочли целесообразным открыть в Сиротинском районе два прихода.

Вмешательство государственных органов в канонические дела церкви прослеживается и в других более поздних документах. Так, Витебский горсовет принял решение о запрещении с 30 июня 1933 года колокольного звона во всех действующих церквях города. В связи с проведением данных мероприятий резкого недовольства со стороны церковников и верующих не наблюдалось. Прихожане и церковный актив к запрещению церковного звона отнеслись безразлично. Часть из них боялись открыто осуждать официальную политическую линию, более того, некоторые служители церкви отмечали в этом положительную сторону, так как не надо было тратить деньги на звонарей [8, с.29-31].

Произведенный анализ документов, отражающих отдельные вопросы жизни церкви на Витебщине в 20-е — начале 30-х годов и ее взаимоотношения с государством, позволяет судить о том, что церковь в эти годы переживала сложный исторический период и религиозная жизнь была полна противоречий. Можно сказать, решался вопрос о дальнейшей ее деятельности и существовании вообще. Политика государственных органов по этому вопросу была жесткой, хотя нередко и непоследовательной: церкви открывались и закрывались, священнослужители арестовывались и вновь возвращались в свои приходы, а принимаемые постановления зачастую противоречили одно другому.

Решение религиозного вопроса не регулировалось нормативными актами, во многих случаях упрощалось, что нередко приводило к произволу. Неслучайно часто дилемма закрывать церковь или оставлять решалась на собрании колхозников, родителей и учащихся в школах. Без информирования местных органов власти атеисты приступали к выполнению ими же вынесенных постановлений, что, как правило, заканчивалось разгромом церквей и нанесением невосполнимого ущерба духовному и культурному наследию Витебщины.

Как свидетельствуют архивные материалы, специальные отделы ОГПУ-НКВД, в свою очередь, строго контролировали деятельность церкви, следили за осуществлением мероприятий, касающихся церкви, а также держали в поле зрения настроения и отклики верующих на проводимую ими политику. Борьба с религией порождала новые основания для слежки, взаимного доноительства друг на друга. В сообщениях зафиксировано немало частных доносов на лиц, принимающих участие в религиозных обрядах, а также отрицательно высказывающихся о проводимой государством политике по отношению к церкви. Приближался 1937 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области, ф.123, оп.1, д.771.
2. Там же д.771.
3. Государственный архив Витебской области. Отдел фондов общественных организаций /ГАВО ОФОО/, ф.10051, оп.1, д.380.
4. Там же д.380.
5. Там же д.380.
6. ГАВО ОФОО ф.102, оп.1, д.113.
7. ГАВО ОФОО д.112.
8. ГАВО ОФОО ф.102, оп.1, д.188.

S U M M A R Y

According to the archival documents the author of the article tries to analyze some aspects of the church life in Vitebsk region interrelation with church and State Organs.

The author writes about the events, which took place in the first years of Soviet power, when the religion was declared "the opium of the people" and abolished with cruel measures as dangerous and harmful.